

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-4

Исследовательская статья

Лютенко И. В.

**Нетрадиционные религиозные взгляды москвичей
и белгородцев с различным матримониальным статусом**

Институт социальной демографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСД ФНИСЦ РАН),
улица Фотиевой дом 6/1, Москва, 119333, Россия
blodrein@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между матримониальным статусом населения и его нетрадиционными религиозными взглядами и практиками на примере Москвы и Белгородской области. Актуальность социологического исследования обусловлена трансформацией социальных институтов в условиях глобализации и ростом популярности нетрадиционных религиозных и мистических течений, в том числе в традиционно православных регионах России. Изучение этой взаимосвязи позволяет лучше понять процессы культурной и религиозной трансформации общества. Цель данной работы – изучить особенности нетрадиционной религиозности населения с разным матримониальным статусом (группы: «не состоящие в браке», «состоящие в зарегистрированном браке», «состоящие в незарегистрированном браке») в двух регионах: поликонфессиональном мегаполисе (Москва) и Белгородской области с доминированием православия. Методология базируется на комплексном подходе к операционализации понятия «нетрадиционная религиозность» через два компонента: религиозное сознание и культовое поведение респондентов. В 2024 году в Институте социальной демографии ФНИСЦ РАН проведён анкетный опрос среди населения (N = 500 в Москве, N = 501 в Белгородской области). Группа «состоящие в зарегистрированном браке» демонстрируют максимальную веру в Бога (85-97%) при минимальном интересе к альтернативным верованиям (27-35%), что подтверждает роль институционального брака как хранителя традиционных установок. Наибольший интерес к нетрадиционным религиям проявляют респонденты из группы «состоящие в незарегистрированном браке»: 69% в Москве и 58% в Белгородской области. В Москве включённость этой группы в нетрадиционную культовую деятельность достигает 60%, что в 3,5 раза выше, чем у состоящих в официальном браке (17%). Несмотря на то, что мотивация обращения к нетрадиционным религиям и мистическим учениям различается по регионам, но корреляционной зависимости от матримониального статуса не наблюдается. Эмпирические результаты социологического исследования показывают, что матримониальный статус, оказывает воздействие на религиозное сознание и культовую практику нетрадиционных верующих: большинство респондентов, состоящих в официальном браке, поддерживают традиционные ценности, а респонденты, предпочитающие альтернативные формы семейных отношений, более открыты к восприятию нетрадиционных религиозных и мистических учений.

Ключевые слова: нетрадиционная религиозность; матримониальный статус; культовое поведение; население; Москва; Белгородская область

Информация для цитирования: Лютенко И. В. Нетрадиционные религиозные взгляды москвичей и белгородцев с различным матримониальным статусом // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 47-64. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-4.

Research article

Irina V. Lyutenko

Non-traditional religious views among Moscow and Belgorod residents of different marital statuses

Institute of Social Demography of the Federal State Budgetary Institution of Science,
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISD FNSC RAS),
6/1 Fotieva St. 6, Moscow, 119333, Russia
blodrein@mail.ru

Abstract. The article examines the relationship between the marital status of the population and their non-traditional religious views and practices, using Moscow and the Belgorod region as case studies. The relevance of this sociological research stems from the transformation of social institutions in the context of globalisation and the growing popularity of non-traditional religious and mystical movements – including in traditionally Orthodox regions of Russia. Studying this relationship helps to better understand the processes of cultural and religious transformation in society. The aim of this work is to study the characteristics of non-traditional religiosity among populations with different marital statuses (the groups are: “not married”, “in a registered marriage”, and “in an unregistered marriage”) in two regions: the multi-confessional metropolis of Moscow and the Belgorod region, where Orthodoxy dominates. The methodology is based on a comprehensive approach to operationalising the concept of “non-traditional religiosity” through two components: the religious consciousness and cultic behaviour of respondents. In 2024, a questionnaire survey was conducted at the Institute of Social Demography of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (ISD FNSC RAS) among the population (N=500 in Moscow, N=501 in the Belgorod region). The “in a registered marriage” group demonstrates the highest level of belief in God (85-97%) coupled with minimal interest in alternative beliefs (27-35 %), which confirms the role of institutional marriage as a guardian of traditional attitudes. Respondents in the “in an unregistered marriage” group show the greatest interest in non-traditional religions: 69% in Moscow and 58% in the Belgorod region. In Moscow, the involvement of this group in non-traditional cultic activities reaches 60%, which is 3.5 times higher than among those in an official marriage (17%). Although the motivation to turn to non-traditional religions and mystical teachings varies by region, no correlation with marital status is observed. Empirical results of the sociological research show that marital status influences religious consciousness and cultic practice among non-traditional believers: most respondents who are in an official marriage uphold traditional values, while those who prefer alternative forms of family relationships are more open to accepting non-traditional religious and mystical teachings.

Key words: non-traditional religions; marital status; cultic behaviour; population; Moscow; Belgorod region

Information for citation: Lyutenko, I. V. (2026), “Non-traditional religious views among Moscow and Belgorod residents of different marital statuses”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 47-64. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-0-4.

Введение (Introduction). В эпоху глобализации мировое сообщество сталкивается с усилением геополитической турбулентности, которая проявляется через политическую и экономическую нестабильность, а также затяжные социальные кризисы. Эти процессы оказывают воздействие на ключевые социальные институты и духовную сферу общества. Происходит трансформация семейных отношений и религиозного ландшафта. В результате население активно ищет новые смысловые ориентиры, что находит отражение в росте популярности нетрадиционных религиозных и мистических течений, практик, в том числе в регионах, являющихся православными центрами России.

Анализ нетрадиционных религиозных взглядов представителей различных групп населения в зависимости от их матримониального статуса является важным для понимания процессов культурной трансформации. Через семейно-брачные отношения индивид воспринимает внешние вызовы и соотносит свой духовный поиск с общественными нормами. Исследования в этой области позволяют выявить наличие взаимосвязи между семейным укладом и выбором альтернативных форм религиозности. Понимание специфики взаимосвязи семейного статуса и нетрадиционной религиозности может помочь анализировать и прогнозировать: религиозные процессы, трансформацию семейных ценностей, конфликты в смешанных семьях и т. д.

Научный интерес представляет сравнительный анализ двух регионов с принципиально разными религиозными ландшафтами: поликонфессионального мегаполиса Москвы и Белгородской области – региона с историческим доминированием православия. Исторически Белгород занимает особое место в религиозном ландшафте России: начиная с 1667 года город являлся административным и духовным центром Белгородской епархии, обладавшей значительным церковным и социальным влиянием. Этот исторический фундамент заложил основу для того, что православие в регионе по сей день является не только вопросом личной религиозной веры, но и ключевым элементом гражданской и этнокультурной идентичности. Традиционная семья в таком контексте может выступать транслятором комплементарных православной культуре ценностей и ограничивать интерес к альтернативным религиозным и мистическим течениям и включенность в нетрадиционную культовую практику. В отличие от Белгородской области, Москва исторически складывалась как многонациональный и поликонфессиональный центр. Сегодня столица представляет собой уникальный религиозный ландшафт, где соседствуют традиционные конфессии и нетрадиционные религиозные и мистические учения, что влияет на характер религиозного поиска её жителей.

Сравнение двух регионов позволит изучить, как специфика социокультурного контекста влияет на характер религиозного поиска индивида: в условиях многообразия верований (Москва) или в рамках устоявшейся конфессиональной системы (Белгородская область) (Кублицкая, Лебедев, 2022).

Цель статьи: изучить нетрадиционные религиозные взгляды представителей групп населения с различным матримониальным статусом на примере населения Москвы и Белгородской области.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Распределить респондентов по группам на основе их матримониального статуса;
2. Проанализировать степень вовлечённости этих групп в нетрадиционные религиозные учения и практики с учётом региональной специфики;

3. Выявить мотивы интереса к нетрадиционным религиям и мистическим учениям в зависимости от семейного положения и региона проживания;

4. Произвести в группах, отобранных по критериям матримониального статуса и нетрадиционного религиозного сознания, отбор респондентов в зависимости от их вовлечённости в культовую деятельность, связанную с нетрадиционными религиозными течениями.

Современные исследователи рассматривают матримониальный статус как фактор, определяющий уровень социальной интеграции индивида. Официально зарегистрированный брак традиционно выступает как институт, поддерживающий «социальную нормальность» и консервативные ценности. Напротив, деинституционализация брака и рост числа незарегистрированных союзов рассматриваются социологами как проявление индивидуализации. Люди, выбирающие альтернативные формы сожительства, более склонны к синкретизму и экспериментированию в различных сферах жизни (Giddens, 1991; Голод, 1998).

В современном научном дискурсе к «нетрадиционным религиям и мистическим учениям» относят религиозные, духовные сообщества и практики, не обладающие статусом исторически доминирующих или культурно укоренённых в конкретной социальной среде (Мартиневич, 2015)¹. Отличаясь от традиционных религий содержанием догм и социальным положением, такие учения часто воспринимаются как инновационные формы сакрального поиска. Основные черты нетрадиционных религий и мистических учений: приоритет личных переживаний и практик над коллективными ритуалами, заимствование и комбинирование элементов из разных религиозных и философских систем, способность подстраиваться под актуальные социальные и культурные запросы.

Изучение нетрадиционных религий, НРД², альтернативных систем верований перешло от простого описания экзотических практик к комплексному анализу их роли в структуре меняющегося общества. В зарубежном и российском дискурсе все чаще обсуждается роль нетрадиционных религий в трансформации религиозного ландшафта и воздействие на мировоззрение индивидов.

Вклад в систематизацию нетрадиционных религий внесла Э. Баркер, чей подход базируется на принципе методологического нейтралитета. Она акцентировала внимание на том, что НРД представляют собой сложные социальные системы, предлагающие индивиду компенсацию тех дефицитов (социальных, психологических или духовных), которые возникают в рамках традиционных институтов (Barker, 1997). Р. Уоллис разделил новые учения на «отрицающие мир», «приспосабливающиеся к миру» и «утверждающие мир». Последние особенно популярны в современных мегаполисах, так как они предлагают инструменты для достижения успеха и внутренней гармонии, не требуя радикального разрыва с социумом (Wallis, 1984).

«Экономический» подход, предложенный Р. Старком и У. Бейнбриджем, рассматривает нетрадиционные религии как активных участников «религиозного рынка». Согласно их теории, в условиях ослабления монополии традиционных религий индивид выберет те «духовные товары», которые приносят максимальное эмоциональное или экзистенциальное удовлетворение при минимальных издержках (Stark, Bainbridge, 1987). К. Кэмпбелл расширил эту идею концепцией «культовой среды» (cultic milieu) – специфического культурного пространства, где циркулируют альтернативные идеи (от астрологии до восточных практик). Для этой среды характерен высокий уровень синкретизма и отсутствие жестких иерархий, что делает её привлекательной для людей, ориентированных на индивидуальный поиск. В 2012 г. Кэмпбелл отметил, что в

¹ «Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция».

² НРД – новые религиозные движения.

современных обществах определение культовой среды стало проблематичным. Альтернативные верования и практики уже укрепились в современном западном обществе, а границы «традиционных» религий становятся всё более размытыми (Campbell, 1972).

Процесс перехода религии из публичной сферы в частную отражается в концепции Т. Лукмана. Его тезис о «приватизированной религии» основывается на идее, что современный человек самостоятельно формирует свою «священную систему», избирательно комбинируя фрагменты различных религиозных и духовных традиций (Luckmann, 1967). Эта концепция перекликается с концепцией Грейс Дэви о «вере без принадлежности» (believing without belonging), описывающей ситуацию, когда индивиды сохраняют религиозные убеждения, но без формального членства в религиозных организациях (Davie, 1994). Б. Уилсон приводит аргумент секуляризации, указывая на то, что нетрадиционные учения часто являются формой адаптации религиозного сознания к требованиям меняющегося мира (Wilson, 1976).

В отечественном научном дискурсе особое внимание уделяется историческим и социальным разломам. Е. Г. Балагушкин указывал на то, что нетрадиционная религиозность в России стала закономерным следствием глубоких социокультурных трансформаций и поиска «альтернативных смыслов» в периоды идеологического вакуума (Балагушкин, 1999). В. А. Митрохин связывал рост интереса к таким учениям с процессами глобализации и модернизации, которые размывают традиционную религиозную идентичность (Митрохин, 1985). В. А. Мартинович рассматривает всплеск нетрадиционной религиозности как результат системного кризиса институтов и развития религиозного плюрализма. Он подчеркивает, что в условиях социальной турбулентности нетрадиционные учения предлагают более гибкие и адаптивные модели мировосприятия (Мартинович, 2024).

Современные исследования нетрадиционной религиозности демонстрируют переход от анализа «веры» к анализу «стиля жизни» и «индивидуальной стратегии», где выбор духовной практики становится таким же актом самоидентификации, как выбор семейного статуса или профессиональной деятельности (Лебедев, 2025).

В статье рассматривается включенность в нетрадиционные религии и мистические учения населения, отобранного в группы по матримониальному статусу. В связи с этим представляется необходимым обратиться к теоретико-методологическому анализу института семьи и работ учёных, изучавших данный феномен.

Трансформация института семьи представляет собой пролонгированный исторический процесс, инициированный еще в эпоху раннего модерна. Современные изменения семейных отношений являются закономерным следствием длительного воздействия внешних факторов: перехода к промышленному способу производства, секуляризации общественного сознания и др. Согласно теории «Постматериалистических ценностей» Инглхарта, в постиндустриальном обществе государство обеспечивает социальные гарантии, и семья перестает быть средством выживания. Семья становится инструментом эмоционального комфорта и самовыражения. На основании данных семи волн Всемирного исследования ценностей (WVS) и теоретических положений Р. Инглхарта подтверждается наличие связи между ростом экономического благосостояния, трансформацией института семьи и процессами секуляризации в обществе. Однако эта зависимость не является линейной и универсальной. Рост благосостояния создаёт предпосылки для секуляризации, но итоговая динамика религиозности определяется сложным взаимодействием экономических, социокультурных и институциональных факторов, что требует дифференцированного подхода при анализе и прогнозировании данных процессов в различных странах и регионах (Inglehart, 1997; Inglehart, Welzel, 2005).

В рамках социологического дискурса ряд зарубежных исследователей предприняли анализ трансформации института семьи, сосредоточив внимание на переходе от традиционной брачно-семейной модели к неформальным формам сожителства и их

взаимосвязи с религиозными установками и уровнем секуляризации общества. Комплексные социальные изменения: секуляризация, индивидуализация, трансформация гендерных ролей и ослабление социальной интеграции оказывают воздействие на эволюцию семейных отношений и ослабление традиционных верований (Coontz, 1992; Гидденс, 2004; Amato, Booth, Rogers, 2007).

В современной научной дискуссии значительное внимание уделяется воздействию религиозного фактора на брачно-семейные отношения и установки. Это подтверждается результатами отечественных социологических исследований, которые фиксируют взаимосвязь между религиозностью населения и приверженностью к традиционным моделям семьи (Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023; Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Загорова, 2017, Зимова, Неробеева, 2025).

Стоит отметить, что социологические опросы последних десятилетий фиксируют трансформацию ценностных установок и моделей брачного поведения. Рост популярности незарегистрированных союзов свидетельствует о снижении нормативного давления в отношении обязательной регистрации брака, возрастающей ценности индивидуального выбора и гибкости семейных отношений. Одновременно сохраняется значимость официального брака как социально признанного института, что подтверждается сохранением значительной доли зарегистрированных союзов и положительной оценкой брака населением¹.

Методология и методы (Methodology and Methods). Первым критерием отбора респондентов выступил их матримониальный статус. Матримониальный статус определяется как социально и/или юридически зафиксированное положение человека относительно института брака, отражающее его текущее состояние в сфере брачно-семейных отношений.

Отбор осуществлялся на основании ответа на вопрос, касающийся семейного положения: «Укажите, пожалуйста, Ваше семейное положение». Матримониальный статус респондентов классифицировался по пяти основным категориям: никогда не состоявшие в браке; состоящие в официальном браке (зарегистрированном в органах ЗАГС); сожительствующие в незарегистрированном союзе; разведённые; вдовы.

В зависимости от полученных ответов респонденты были классифицированы по группам:

1. Группа «не состоящие в браке». В данную группу вошли респонденты, которые выбрали вариант ответа: «Холост (не замужем)».

2. Группа «состоящие в зарегистрированном браке». В данную группу вошли респонденты, выбравшие ответ: «Состою в официально зарегистрированном браке».

3. Группа «состоящие в незарегистрированном браке». В эту группу были отобраны респонденты, выбравшие ответ: «Проживаю в «гражданском браке» (сожительство)».

Группы респондентов с семейным статусом «Разведен/разведена» и «Вдовец/вдова», оказались ниже порога, необходимого для корректного статистического анализа. Объединять группы «Холост (не замужем)», «Разведен/разведена» и «Вдовец/вдова» мы не стали ввиду гетерогенности. В группах наблюдается возрастная дифференциация. Если группа «Холостых» преимущественно представлена молодежью и лицами раннего зрелого возраста, то группа «Вдовцов» смещена в сторону старших возрастных групп. В этих группах различается механизм формирования матримониального статуса. У «Холостых» отсутствие брака является базовым состоянием, не обусловленным изменением семейного статуса. У «Разведенных» и «Вдовцов» статус является результатом трансформации существовавшего ранее семейного статуса.

¹ Брак, дети, супружеские измены: сейчас и 25 лет назад // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-deti-supruzheskie-izmeny-sejchas-i-25-let-nazad> (дата обращения: 30.03.2026); Разводы в России: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 30.03.2026).

Методологические основы операционализации и типологизации в исследовании нетрадиционной религиозности.

В исследовании операциональное определение понятия «нетрадиционная религиозность» базируется на комплексном подходе, опирающемся на методические наработки Е. А. Кублицкой (Кублицкая, 1990) и их последующую адаптацию к мониторинговым исследованиям. Процесс валидации и уточнения перечня показателей и индикаторов, характеризующих нетрадиционные религиозные и мистические учения, а также формы культового поведения, представляет собой непрерывную исследовательскую задачу.

Концептуализация «нетрадиционной религиозности» осуществляется через конструирование индекса, интегрирующего два основных показателя: «религиозное сознание» и «культовое поведение» (нетрадиционные формы).

Показатели и индикаторы религиозного сознания:

- *вера в сверхъестественное*. Данный показатель выявляется с помощью прямого вопроса о наличии веры в Бога и/или другие сверхъестественные силы. Респонденты, выразившие наличие религиозной веры или допускающие возможность существования трансцендентного, включаются в дальнейший типологический отбор;

- *интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям*. Он определяется путем выявления интереса к мистическим, нетрадиционным религиозным воззрениям и практикам. Респонденты, выразившие подобный интерес включаются в дальнейший типологический отбор;

- *мотивационная структура интереса к нетрадиционным религиям и учениям*. Производится содержательный анализ индикаторов мотивации, лежащей в основе интереса к восточным учениям, мистическим, нетрадиционным религиозным воззрениям и практикам.

Показатели и индикаторы культового поведения: включенность в культовую деятельность, измеряется через индикаторы и показатели участия в религиозных обрядах и практиках, связанных с нетрадиционными религиозными течениями.

Таблица 1

Объем выборочной совокупности семейных групп по регионам
(Москва, Белгородская область 2024 г.)¹

Table 1

Sample size of family groups by region (Moscow, Belgorod region, 2024)

Матримониальный статус / Marital status	Москва / Moscow		Белгородская область / Belgorod region	
	Человек / Person	%	Человек / Person	%
Не состоящие в браке / Unmarried	148	29,6	95	18,9
Состоящие в зарегистрированном браке / Married	218	43,6	245	48,9
Состоящие в незарегистрированном браке / Unregistered marriage	80	16	90	17,9
Разведённые / Divorced	30	6	41	8,4
Вдовствующие / Widowed	24	4,8	30	5,9
Итого / Total	500	100	501	100

¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследований в Москве и Белгородской области в 2024 г.

В 2024 году Институтом социальной демографии ФНИСЦ РАН и НИУ БЕЛГУ были проведены социологические исследования в Москве и Белгородской области. Всего в исследовании в Москве было опрошено 500 респондентов, в Белгородской области 501. Объем выборочной совокупности после отбора по матримониальному статусу в Белгородской области и Москве представлен в таблице 1. В группах «разведённые» и «вдовствующие» в обоих регионах $N =$ ниже статистической репрезентативности. Группы менее 80 человек при типологических отборах могут быть нерепрезентативны. Небольшой объем группы характеризуется высокой дисперсией данных, что существенно снижает надёжность оценок ключевых параметров. Широкие доверительные интервалы и низкая статистическая мощность затрудняют выявление реальных закономерностей и повышают риск ошибочных выводов (см. Таблицу 1).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Респонденты отбирались в группы по критерию матримониального статуса. Отбор осуществлён на основании ответа на вопрос, касающегося семейного положения: «Укажите, пожалуйста, Ваше семейное положение». В зависимости от полученных ответов респонденты были классифицированы по трем группам в каждом регионе: первая группа «не состоящие в браке» (в Москве – 30%, в Белгородской области – 20%), вторая группа «состоящие в зарегистрированном браке» (в Москве - 44%, в Белгородской области – 50%), третья группа «состоящие в незарегистрированном браке» (в Москве – 16%, в Белгородской области – 18%).

Разделив респондентов на группы по критерию матримониального статуса, в этих группах был произведён отбор по двум показателям нетрадиционной религиозности.

В религиозном сознании особое место занимает концепция веры в трансцендентное, Бога и сверхъестественные силы как его системообразующего элемента. Вера выступает фундаментальной характеристикой религиозного (как традиционного, так и нетрадиционного) сознания, определяющей его специфику и отличающей от светского мировоззрения.

Религиозное сознание представляет собой совокупность представлений, идей, установок и эмоциональных реакций, в которых отражается восприятие и осмысление человеком сверхъестественного, потустороннего мира. В отличие от светского сознания, оно исходит из допущения, что ключевые процессы в мире обусловлены действием трансцендентных сил, а не исключительно материальными или социальными факторами. Вера помогает осмыслить реальность, разделяя её на повседневное и сакральное. С помощью веры человек интерпретирует мир через призму божественного замысла, объясняя фундаментальные вопросы о смысле жизни, смерти, добре и зле и др., а также определяет своё место во вселенной. Религиозное сознание предлагает концепции, придающие жизни трансцендентный смысл: бессмертие души, просветление, следование божественному плану. Это позволяет преодолеть экзистенциальный кризис, связанный с осознанием конечности бытия, и формирует долгосрочные жизненные ориентиры (Дюркгейм, 2018; Luckmann, 1967).

В ходе анализа данных исследований 2024 года (Москва и Белгородская область) отбор респондентов в типологические группы осуществлялся по индикаторам нетрадиционного религиозного сознания. Первый индикатор - вера в Бога и/или сверхъестественные силы с учётом их матримониального статуса. Изначально респонденты были разделены на три группы: «не состоящие в браке», «состоящие в зарегистрированном браке» и «состоящие в незарегистрированном браке». Анализ показал региональные и статусные различия в религиозных представлениях отобранных групп.

Данные показывают более выраженную религиозность населения Белгородской области по сравнению с московским регионом во всех типологических группах (по критерию матримониального статуса). Это естественно, так как уровень религиозности в Белгородской

области выше, чем в Москве, прежде всего из-за исторической укорененности православных традиций, этнической однородности населения и активной деятельности РПЦ (см. Рисунок 1).

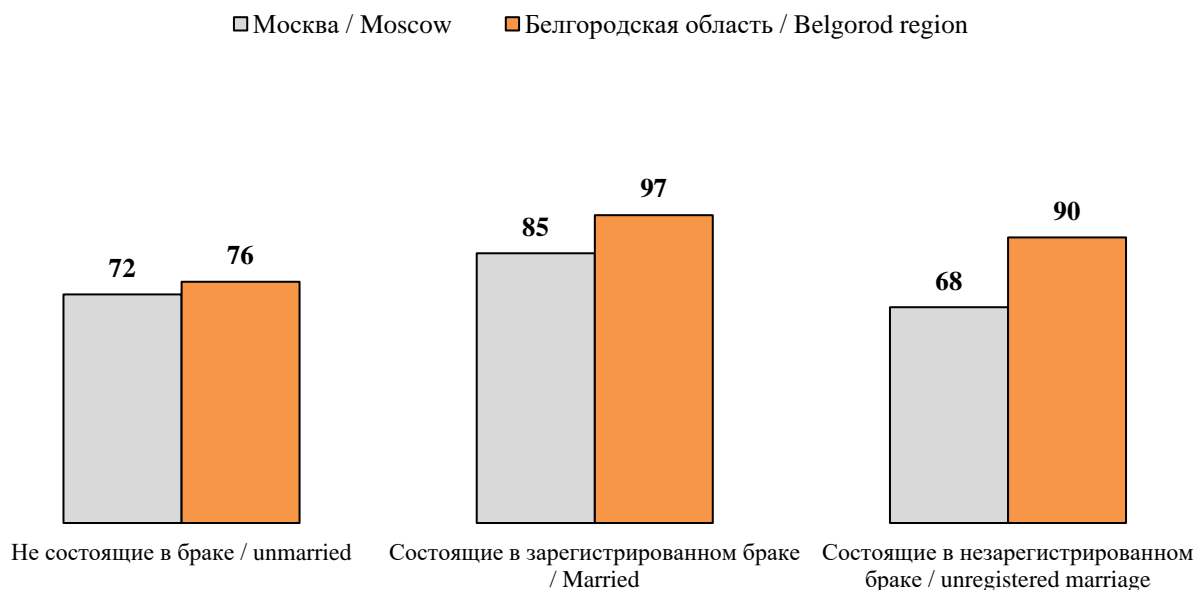

Рисунок 1. Вера в Бога и/или сверхъестественные силы (В % от числа опрошенных групп, Москва, Белгородская область 2024 г.)¹

Figure 1. Belief in God and/or supernatural forces (as a percentage of respondents in groups, Moscow and Belgorod region, 2024).

Сформировав группы по первому индикатору – вера в Бога и/или в сверхъестественные силы, в этих группах были отобраны респонденты по второму индикатору – интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям.

Следующим критерием отбора стал интерес к нетрадиционным верованиям, мистическим течениям и практикам.

Проведённый анализ демонстрирует взаимосвязь между семейным статусом респондентов и их интересом к данным воззрениям и верой в трансцендентное (см. рисунок 1, таблицу 2). Группа «состоящие в зарегистрированном браке» демонстрирует самый высокий показатель веры в Бога и/или сверхъестественные силы (85% в Москве и 97% в Белгородской области), но минимальный интерес к альтернативным верованиям (35% в Москве и 27% в Белгородской области). Группа «состоящие в незарегистрированном браке», напротив, обладает меньшей верой, чем группа «состоящие в зарегистрированном браке» (68% в Москве и 90% в Белгородской области), но проявляет наибольший интерес к альтернативным воззрениям (69% в Москве и 58% в Белгородской области). Группа «не состоящие в браке» отличается невысокой верой по сравнению с другими группами (72% в Москве и 76% в Белгородской области), но имеет средний уровень интереса к альтернативным верованиям (53% в Москве и 41% в Белгородской области). Это позволяет говорить о роли институционализированных семейных отношений в поддержании традиционных религиозных установок в обществе. Выявлена территориальная и групповая дифференциация: Население Москвы характеризуется более высоким уровнем открытости к нетрадиционным религиям и мистическим учениям по сравнению с населением

¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследований в Москве и Белгородской области в 2024 г.

Белгородской области, что может быть объяснено различиями в этноконфессиональной сфере. Респонденты в группе «состоящие в зарегистрированном браке» практически в два раза меньше интересуются нетрадиционными религиями и мистическими учениями, чем респонденты в группе «состоящие в незарегистрированном браке» (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Интерес москвичей и белгородцев к нетрадиционным религиям, мистическим учениям и практикам (в % от числа опрошенных групп, Москва, Белгородская область 2024 г.)¹

Table 2

Interest of Moscow and Belgorod residents non-traditional religions, mystical teachings and practices (% of the number of respondents in the groups, Moscow, Belgorod region, 2024)

	Интересуюсь / interested	Не интересуюсь / Not interested
Москва / Moscow		
Не состоящие в браке / Unmarried	53	47
Состоящие в зарегистрированном браке / Married	35	65
Состоящие в незарегистрированном браке / Unregistered marriage	69	31
Белгородская область / Belgorod region		
Не состоящие в браке / Unmarried	41	59
Состоящие в зарегистрированном браке / Married	27	73
Состоящие в незарегистрированном браке / Unregistered marriage	58	42

Изучение мотивов, побуждающих людей проявлять интерес к нетрадиционным религиям и мистическим учениям, представляет собой одну из задач в исследовании нетрадиционных религий. Мотивация позволяет раскрыть внутренние побуждения и потребности, которые подталкивают людей к поиску альтернативных учений. Именно мотивация позволяет выявить причину предпочтения нетрадиционных религий и мистических учений, а не мировых конфессий. Анализ мотивов помогает разграничить подлинный, осознанный интерес от поверхностного увлечения (Лютенко, 2025).

В таблице 3 представлено распределение положительных ответов «Да» среди групп по восьми мотивам, объясняющих интерес к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям. Произведён анализ мотивации респондентов в зависимости от региона и семейного положения.²

Во всех группах прослеживается взаимосвязь семейного статуса и мотивации. Группы «состоящие в незарегистрированном браке» проявляют наибольший интерес к нетрадиционным религиям и обладают более высокой мотивацией. В этой группе в Москве больше тех, кто, считает, что нетрадиционные религии заслуживают научного изучения. В Белгородской области этот показатель также высок (48%), но практически равен

¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследований в Москве и Белгородской области в 2024 г.

² Мотивация замерялась в группах, отобранных по двум показателям: 1. вера в бога и/или другие сверхъестественные силы, 2. Интерес к нетрадиционным религиям, мистическим учениям и практикам. Респондентам были представлены 8 мотивов, наиболее отражающих привлекательность этих воззрений. В таблице 2 представлены результаты, показывающие мотивацию респондентов в изучаемых группах. Варианты ответов по каждому мотиву состояли из позиций: «да», «нет», «затрудняюсь ответить». В таблице представлены результаты крайней позиции ответов «да».

показателям других групп. В Москве зафиксирована значительная разница в выборе мотива «Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии»: среди «состоящих в зарегистрированном браке» лишь 13% видят в этих учениях путь к внутренней гармонии, тогда как «состоящие в незарегистрированном браке» – 67%. Это может указывать на то, что люди, выбирающие не институционализованные формы семейных отношений, более склонны и к поиску альтернативных духовных смыслов.

Москвичи «не состоящие в браке» проявляют выраженную мотивацию: научный интерес (67%), оригинальность и экстравагантность (65%), познание сущности мира и достижение с ним внутренней гармонии (53%). В Белгородской области у «не состоящих в браке» мотивация смещена в сторону этики и саморазвития: нравственное совершенствование (51%), критика традиционных религий (42%) (выбор утверждения, что традиции мировых религий не помогают им в жизни), самоконтроль и спокойствие (40%) (психотерапевтическая функция – обретение покоя).

«Состоящие в зарегистрированном браке» москвичи проявляют наименьший интерес и мотивацию к нетрадиционным религиям и мистическим учениям. Они меньше других групп разочарованы в традиционных религиях (5%). Но в то же время отмечают терапевтические функции данных религий и учений (42%) и необходимость их научного изучения (43%). У белгородцев в этой группе показатели мотивации выше по сравнению с москвичами, разница по большинству утверждений от 10 до 25%. Можно предположить, что отчасти на мотивацию респондентов в Белгородской области оказывают воздействие внешние факторы (непосредственная близость региона к зоне Специальной военной операции).

Эмпирические данные фиксируют, что уровень мотивации увлечения нетрадиционными религиями и мистическими учениями в Москве сильно различается в зависимости от матримониального статуса. По всем предложенным мотивам в группе «состоящие в зарегистрированном браке» показатели в 2, а иногда в 3 раза ниже, чем в группе «состоящие в незарегистрированном браке». В группе «не состоящие в браке» уровень мотивации выше, чем в группе «состоящие в зарегистрированном браке», но меньше, чем в группе «состоящие в незарегистрированном браке». Высокая мотивация и интерес респондентов, не состоящих в семейных отношениях, могут быть обусловлены мировоззренческим поиском или включенностью ближнего окружения в культовую деятельность нетрадиционных религиозных и мистических учений, как показывают социологические данные в таблице 3 (40%).

В Белгородской области мотивация интереса в соответствующих группах более равномерна. При сравнении групп «состоящие в зарегистрированном браке» и «состоящие в незарегистрированном браке» выявлена незначительная разница в большинстве мотивов (от 1% до 10%) (см. таблицу 3). Несмотря на региональное различие в уровне мотивации по численности респондентов, продолжает прослеживаться общая закономерность: группа «состоящие в зарегистрированном браке», менее открыта к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям, чем группа «состоящие в незарегистрированном браке».

Культовая деятельность, связанная с нетрадиционными и мистическими учениями, имеет значение в жизни индивида, что обусловлено рядом причин. Практика предоставляет инструменты для духовного роста, самосовершенствования и работы с сознанием. Через различные ритуалы, медитацию, дыхательные упражнения и физические упражнения возможно научиться контролировать эмоции, снизить стресс и тревожность, приобрести внутреннюю гармонию, найти религиозную идентичность, найти ответы о смысле жизни и улучшить физическое состояние. Групповая практика способствует объединению людей со схожими духовными взглядами (Whitehouse, 2004).

Таблица 3
Мотивация интереса к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям, практикам
(в % от числа опрошенных групп, Москва, Белгородская область 2024 г.), %¹²

Table 3

Motivation for interest in non-traditional religious and mystical teachings and practices
(% of respondents in the surveyed groups, Moscow, Belgorod region, 2024), %

Утверждения / Claims	Москва / Moscow			Белгородская область / Belgorod region		
	Не состоящие в браке / Unmarried	Состоящие в зарегистрированном браке / Married	Состоящие в незарегистрированном браке / unregistered marriage	Не состоящие в браке / Unmarried	Состоящие в зарегистрированном браке / Married	Состоящие в незарегистрированном браке / Unregistered marriage
Традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают мне в повседневной жизни / The traditions, norms, and culture of the world's religions do not always help me in my daily life	40	5	14	42	33	52
Заслуживают внимания для научного изучения / Noteworthy for scientific study	67	43	100	40	47	48
Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия / Increase self-control of the individual, a sense of calm	48	42	62	40	55	45
Расширяют физиологические возможности человека / Expand a person's physiological capabilities	38	22	62	26	47	49
Способствуют нравственному совершенствованию человека / Contribute to the moral perfection of a person	38	30	52	51	52	47
Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью /	65	20	51	37	44	51

¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследований в Москве и Белгородской области в 2024 г.

² В 2024 г. В исследование в Белгородской области не были включены в вопрос о мотивации варианты ответов: «Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии» и «Мои знакомые, родственники, друзья изучают или практикуют эти учения».

Are attractive for their originality, extravagance						
Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии / They open the way to understanding the essence of the world and achieving inner harmony with it	53	13	67	-	-	-
Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения / My acquaintances, relatives, friends study or practice these teachings	40	5	14	-	-	-

Включенность в культовую деятельность нетрадиционных религий и мистических учений замерялась с помощью вопроса: «Насколько в ваш повседневный быт вошли какие-либо элементы нетрадиционных или мистических учений?». В зависимости от ответа респонденты были разделены по группам: «включенные в практику» и «невключенные в практику». Затруднившиеся ответить исключались из анализа. В таблице 4 представлены результаты отбора по второму индикатору нетрадиционной религиозности¹.

В группах в обоих субъектах РФ «состоящие в зарегистрированном браке» самые низкие показатели интереса к нетрадиционным религиям и культовой деятельности по сравнению с другими группами. Группы «не состоящие в браке» проявляют умеренный уровень интереса, мотивации к нетрадиционным религиям и учениям и включенности в культовую деятельность. Группы «состоящие в незарегистрированном браке» показывают высокую мотивацию и интерес к нетрадиционным религиям и учениям, по сравнению с другими группами. В этой группе больше респондентов, включенных в культовую деятельность, связанную с нетрадиционными религиями и мистическими учениями (см. рисунок 1, таблицу 3, 4).

Проведя региональный анализ, можно отметить, что в московском мегаполисе включенность в практику максимальна (60%) в группе «состоящие в незарегистрированном браке». Мотивация интереса и включенности в практики в этой группе позволяет предположить, что обращение к нетрадиционным религиям и мистическим учениям объясняется желанием саморазвиваться. Практика является инструментом, позволяющим управлять стрессом, помогает самосовершенствоваться. Огромный разрыв между группами «состоящие в зарегистрированном браке» (17%) и «состоящие в незарегистрированном браке» (60%) в Москве говорит о том, что институциональный брак в столице все еще требует от человека «социальной нормальности». Для москвичей включенность в практику – это часто «духовный поиск». Они ищут способы тонкой настройки своего внутреннего мира.

В Белгородской области группы демонстрируют гораздо меньшую поляризацию. Высокий процент вовлеченности в практику во всех группах (от 32% до 47%) указывает на то, что в кризисной ситуации, во время нестабильной мировой обстановки обращение к нетрадиционным религиям и мистическим учениям выполняет компенсаторную функцию, доступную любому человеку независимо от его семейного статуса. Тем не менее тенденция сохраняется вне зависимости от региона. В группе «состоящих в зарегистрированном браке» в 2 раза меньше включенных в практику (32%), чем респондентов, не включённых в культовую деятельность (68%) (см. табл. 4).

¹ Включенность в культовую деятельность замерялась в группах, отобранных по показателям нетрадиционного религиозного сознания: религиозной вере и интереса к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям.

Таблица 4
Включенность в практику нетрадиционных религий и мистических учений
(в % от числа опрошенных групп, Москва, Белгородская область 2024 г.)¹

Table 4

Involvement in non-traditional religious practices and mystical teachings
(% of the number of respondents in the groups, Moscow, Belgorod region, 2024)

Группы респондентов / Respondent groups	Включены в практику / incorporated into practice (practicing)	Не включены в практику / Not included in practice (non-practicing)
Москва / Moscow		
Не состоящие в браке / unmarried	52	48
Состоящие в зарегистрированном браке / Married	17	83
Состоящие в незарегистрированном браке / unregistered marriage	60	40
Белгородская область / Belgorod region		
Не состоящие в браке / unmarried	42	58
Состоящие в зарегистрированном браке / Married	32	68
Состоящие в незарегистрированном браке / unregistered marriage	47	53

Заключение (Conclusions). В современном обществе отмечается рост интереса к нетрадиционным религиозным и мистическим учениям, охватывающий различные социально-демографические группы. При этом характер вовлечённости существенно различается в зависимости от матримониального статуса индивидов. Примечательно, что выбор религиозно-мистических практик в наши дни всё чаще продиктован стремлением к индивидуализации духовной жизни. Люди ищут гибкие формы самоидентификации, способные адаптироваться к условиям меняющегося мира. В отличие от традиционных религий с их жёсткой системой догм и коллективных норм, нетрадиционные учения, как правило, предлагают индивидуальный подход, основанный на личном опыте, саморазвитии и внутренней духовной трансформации личности.

Проведенные исследования в Москве и Белгородской области в 2024 г. подтверждают гипотезу о том, что матримониальный статус выступает одним из значимых регуляторов религиозного сознания и поведения населения. Юридически зарегистрированный брак выполняет функцию сохранения традиционных установок: в группе «состоящие в зарегистрированном браке» зафиксированы максимальные показатели веры в трансцендентное (85-97% в обоих регионах) при минимальном интересе к альтернативным верованиям (27-35%). Напротив, выбор незарегистрированных форм семейных отношений коррелирует с открытостью к нетрадиционным религиям (69% в Москве, в Белгородской области – 58%) и максимальной включенностью в их культовую деятельность. Это позволяет сделать вывод, что отказ от официального брака зачастую сопровождается поиском альтернативных духовных смыслов и выходом за рамки традиционных конфессий.

Региональный анализ выявил дифференциацию в характере обращения к нетрадиционным религиям и мистическим учениям, практикам. Москва демонстрирует «интеллектуализированный поиск», где интерес к мистическим учениям носит

¹ Источник: составлено автором по данным социологического исследований в Москве и Белгородской области в 2024 г.

исследовательский и эстетический характер. Высокая мотивация значимости научного изучения (67%) и поиска внутренней гармонии (67% в группе москвичей «состоящие в незарегистрированном браке») указывает на то, что для них обращение к практикам нетрадиционных религий является инструментом совершенствования личности и способом саморазвития. Однако, в мегаполисе зафиксирован разрыв между женатыми респондентами (17%) и сожительствующими парами (60%) во включенности в культовую деятельность альтернативных религий и учений, что свидетельствует о том, что официальный брак в Москве является одним из оплотов традиционных ценностей.

В Белгородской области высокий уровень веры в Бога и/или сверхъестественные силы (до 97%) в семейных группах сочетается с прагматичной мотивацией. Поиск самоконтроля, спокойствия и нравственного совершенствования указывает на компенсаторную природу верований в условиях нестабильной приграничной обстановки. Так, включенность в культовую практику достигает 32%, даже в группе «состоящих в зарегистрированном браке», что вдвое выше эмпирического показателя этой группы в московском регионе.

Исследование показывает, что включенность в культовую деятельность, связанную с нетрадиционными религиями и учениями, в современной России выполняет многофункциональную адаптивную функцию. Как показывает рейтинг эмпирических данных содержательных мотиваций, включенность в нетрадиционные формы религиозности, в условиях Москвы служит в большей степени самосовершенствованию личности в различных сферах, а в Белгородской области, прежде всего, является инструментом экзистенциальной компенсации. Выявленная взаимосвязь между формой брака и открытостью к нетрадиционным религиям и мистическим учениям свидетельствует о процессах трансформации институтов семьи и религии, где традиционные формы отношений продолжают поддерживать консервативные установки, в то время как альтернативные формы брака становятся проводниками нетрадиционной религиозности.

Изучению нетрадиционных религий посвящен значительный объем научных трудов, но до сих пор сохраняется дефицит валидного методического инструментария для проведения массовых социологических исследований. В перспективе необходимо продолжить разрабатывать показатели и индикаторы нетрадиционного религиозного сознания и включенности в культовую деятельность нетрадиционных религий и мистических учений. Это необходимо, прежде всего, для объективной оценки уровня нетрадиционной религиозности респондентов. Дальнейшее проведение социологических исследований нетрадиционных религиозных взглядов населения и групп с различным матримониальным статусом в регионах России позволит определить масштабы распространённости нетрадиционных религиозных воззрений в российском обществе. Выявленная взаимосвязь между формой брака и открытостью к нетрадиционным религиям и мистическим учениям свидетельствует о необходимости поведения более углубленного анализа с целью выявления факторов, влияющих на выбор религиозных практик в контексте различных моделей семейных отношений.

Результаты анализа социологического исследования могут служить эмпирической базой для разработки и реализации социально-демографических мероприятий, направленных на укрепление института семьи, традиционных форм семейных отношений и гармонизацию межконфессионального взаимодействия.

Список литературы

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ / РАН. Ин-т философии. Москва: ИФ РАН, 1999. 244 с.

Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с. ISBN: 5-86708-113-3. EDN: YQXVEN.

Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Энтони Гидденс; [Пер. с англ. В. Ангурин]. СПб. и др.: Питер, 2004. 208 с. ISBN: 5-469-00133-4.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Эмиль Дюркгейм; [перевод с французского А. Аполлонов, Т. Котельникова]. Москва: Изд. дом Дело: РАНХиГС, 2018. 732 с. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154. EDN: XYZJOP.

Загирова Э. М. Влияние типа религиозности на отношение к традиционной семье // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 2 (90). С. 82-103. EDN: ZSRATF.

Зимова Н. С., Неробеева Т. С. Влияние религиозности на брачно-семейные установки современной молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 1. С. 91-109. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6. EDN: TPNOFC.

Калачикова О., Козлова О., Архангельский В. Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 105-138. DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138. EDN: KBEZCZ.

Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103. EDN: BGWJUG.

Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. К анализу религиозной ситуации в Белгородской области // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. DOI: 10.15862/46SCSK322. EDN: VRBQAI.

Лебедев С. Д. Религиозно-мировоззренческие стратегии российской молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 26-40. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2. EDN: CRMDWE.

Лютенко И. В. Нетрадиционные религиозные взгляды белгородских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 44-60. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-3. EDN: HVVULV.

Мартинovich В. А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. Минск: Минская духовная академия, 2015. 560 с. ISBN: 978-985-7028-11-5.

Мартинovich В. А. Социальная идентификация новых религиозных движений в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2024. 664 с. ISBN 978-985-586-794-5.

Митрохин Л. М. Религии «нового века». Москва: Сов. Россия, 1985. 160 с.

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 103-126. DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2359.

Amato P., Booth A., Johnson D., Rogers S. Alone together: How marriage in America is changing. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 336 p.

Barker A. New Religious Movements. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 1997. 284 p.

Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. № 5. Pp. 119-136.

Campbell C. The Easternisation of the West: or, How the West Was Lost // Asian Journal of Social Science. 2010. Vol. 38, № 5. Pp. 738-757.

Coontz, S. The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap. New York, 1992. 391 p.

Davie G. Religion in Britain since 1945: Believing without Belonging. Oxford: Blackwell, 1994. 244 p.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1991. 256 p. ISBN: 0-8047-1944-6.

Heelas P. The New Age Movement: Religion, Culture and Society in the Age of Postmodernity. Wiley-Blackwell, 1996. 288 p. ISBN: 978-0-631-19332-6.

Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 453 p. ISBN: 9780691011806.

Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge, Great Britain: Cambridge University Press, 2005. 333 p. ISBN: 0521846951, 9780521846950.

- Luckmann T. *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. New York: Macmillan, 1967. 128 p.
- Schewel S. *Understanding Immobility: Moving Beyond the Mobility Bias in Migration Studies* // *International Migration Review*. 2019. Vol. 54, № 2. Pp. 328-355. DOI: 10.1177/01979183198319.
- Stark R., Bainbridge W. S. *A Theory of Religion*. New York: Peter Lang, 1987. 386 p.
- Wallis R. *The Elementary Forms of the New Religious Life*. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 156 p. ISBN: 0-7100-9890-1.
- Whitehouse H. *Modes of Religiosity: A Cognitive Theory of Religious Transmission*. Bloomsbury Academic, 2004. 193 p. ISBN: 0759106150, 9780759106154.
- Wilson B. R. *Contemporary Transformations of Religion*. London: Macmillan, 1976. 116 p.

References

- Balagushkin, E. G. (1999), *Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii: morfologichesky analiz* [Non-traditional religions in modern Russia: A Morphological Analysis], Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. (In Russian)
- Golod, S. I. (1998), *Semya i brak: istoriko-sotsiologichesky analiz* [Family and Marriage: A Historical and Sociological Analysis], Petropolis, St. Petersburg, Russia, ISBN: 5-86708-113-3, EDN: YQXVEN. (In Russian)
- Giddens, A. (2004), *Transformatsiya intimnosti: Seksualnost, lyubov i erotizm v sovrem. o-vakh* [The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies], translated by V. Angurin, Piter, St. Petersburg, Russia, ISBN: 5-469-00133-4. (In Russian)
- Durkheim, E. (2018), *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia], translated from French by A. Apollonov and T. Kotelnikova, Delo Publishing House: RANEPА, Moscow, Russia, DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-122-154, EDN: XYZJOP. (In Russian)
- Zagirova, E. M. (2017), "The Influence of the Type of Religiosity on the Attitude to the Traditional Family", *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 20(2), 82-103, EDN: ZSRATF. (In Russian)
- Zimova, N. S., Nerobeeva, T. S. (2025), "The Influence of Religiosity on Marriage and Family Attitudes of Modern Youth", *Research Result. Sociology and Management*, 11(1), 91-109, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-1-0-6. EDN: TPNOFC. (In Russian)
- Kalachikova, O., Kozlova, O., Arkhangelsky, V. (2022), "The religious determinant of reproductive intentions of Russians", *Gosudarstvo, religiya, Tserkov v Rossii i za rubezhom*, 40(4), 105-138, DOI: 10.22394/2073-7203-2022-40-4-105-138. EDN: KBEZCZ. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: an experience of sociological study", *Sociological Research*, (5), 95-103, EDN: BGWJUG. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A., Lebedev, S. D. (2022), "On the analysis of the religious situation in the Belgorod region", *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kulturologiya*, 13(3), DOI: 10.15862/46SCSK322, EDN: VRBQAI. (In Russian)
- Lebedev, S. D. (2025), "Religious and worldview strategies of Russian youth", *Science. Culture. Society*, 31(3), 26-40, DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.2. EDN: CRMDWE. (In Russian)
- Lyutenko, I. V. (2025), "Non-traditional religious views of Belgorod students", *Research Result. Sociology and Management*, 11(3), 44-60, DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-3, EDN: HVVULV. (In Russian)
- Martinovich, V. A. (2015), *Netraditsionnaya religioznost: vzniknovenie imigratsiya: Materialy k izuchenyu netraditsionnoy religioznosti* [Non-traditional religiosity: emergence and migration: Materials for studying unconventional religiosity], 1, Minsk Theological Academy, Minsk, Belarus, ISBN: 978-985-7028-11-5. (In Russian)
- Martinovich, V. A. (2024), *Sotsialnaya identifikatsiya novykh religioznykh dvizheny v Respublike Belarus* [Social identification of new religious movements in the republic of Belarus], RIVSh, Minsk, Belarus, ISBN: 978-985-586-794-5. (In Russian)
- Mitrokhin, L. M. (1985), *Religii «novogo veka»* [Religions of the 'New Age'], Sovetskaya Rossiya, Moscow, USSR. (In Russian)

- Prutskova, E. V., Pavlyutkin, I. V., Borisova, O. N. (2023) "Religiosity and Fertility in Russia and Other European Countries: The Effect of Social Context", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (2), 103-126, DOI: 10.14515/monitoring.2023.2.2359. (In Russian)
- Amato, P., Booth, A., Johnson, D., Rogers, S. (2007), *Alone Together: How Marriage in America Is Changing*, MA: Harvard University Press, Cambridge.
- Barker, A. (1997), *New religious movements*, Russian Christian Humanitarian Institute, St. Petersburg, Russia.
- Campbell, C. (1972), "The cult, the cultic milieu and secularization", *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, (5), 119-136.
- Campbell, C. (2010), "The Easternisation of the West: Or, How the West Was Lost", *Asian Journal of Social Science*, 38(5), 738-757.
- Coontz, S. (1992). *The Way We Never Were: American Families and the Nostalgia Trap*, New York.
- Davie, G. (1994), *Religion in Britain since 1945: believing without belonging*, Blackwell, Oxford.
- Giddens, A. (1991), *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*, stanford, Stanford University Press, Calif.
- Heelas, P. (1996), *The New Age movement: religion, culture and society in the age of postmodernity*, Wiley-Blackwell.
- Inglehart, R. (1997), *Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies*, NJ: Princeton University Press, Princeton.
- Inglehart, R., Welzel, C. (2005), *Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence*, Great Britain: Cambridge University Press, Cambridge.
- Luckmann, T. (1967), *The invisible religion: the problem of religion in modern society*, Macmillan, New York.
- Schewel, S. (2019), "Understanding immobility: moving beyond the mobility bias in migration studies", *International Migration Review*, 54(2), 328-355.
- Stark, R., Bainbridge, W. S. (1987), *A Theory of religion*, Peter Lang, New York.
- Wallis, R. (1984), *The Elementary forms of the new religious life*, Routledge & Kegan Paul, London.
- Wilson B. R. (1976), *Contemporary Transformations of Religion*, Macmillan, London.
- Whitehouse, H. (2004), *Modes of religiosity: a cognitive theory of religious transmission*, Bloomsbury Academic.
- Wilson B. R. (1976), *Contemporary Transformations of Religion*, Macmillan, London.

Статья поступила в редакцию 01 апреля 2026 г. Поступила после доработки 12 мая 2026 г.
Принята к печати 01 июня 2026 г.
Received 01 April 2026. Revised 12 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNCS RAS), Moscow, Russia.